

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Нравственное богословие в Киево-Могилянской академии по материалам рукописных источников

К. В. Суториус

Для цитирования: Суториус К. В. Нравственное богословие в Киево-Могилянской академии по материалам рукописных источников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 5–28. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.101>

Исследование основано на записях богословских курсов, которые преподавались на латинском языке в Киево-Могилянской академии. Большинство известных записей сделаны студентами. Этот комплекс источников изучен мало и недоступен широкому кругу исследователей. Цель богословских курсов, как и других предметов «школьной» программы, была дидактической, поэтому моральное богословие в Киево-Могилянском коллегиуме/академии надо рассматривать прежде всего как учебную дисциплину. Киевский коллегиум был организован по модели коллегиумов иезуитских, и преподавание богословия в нем было генетически связано с академической традицией иезуитов. Преподавание богословия в Киевском коллегиуме засвидетельствовано с 1693/1694 и до 1745/1746 учебного года. Преподаватели (кроме Феофана Прокоповича) ориентировались на источники иезуитского происхождения. В «Ratio studiorum» — учебной программе иезуитов — одним из предметов, которые изучались в богословском классе, было моральное богословие. Значительную часть этого курса занимал разбор *casuum conscientiae* (казуистика). Однако в Киевской академии до конца XVIII в. засвидетельствован только один случай, когда преподавалось моральное богословие как предмет, отдельный от спекулятивного богословия: сохранились фрагменты курса морального

Суториус Константин Владимирович — канд. ист. наук, старший преподаватель, НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123; sutorius@mail.ru

Sutorius Konstantin V. — PhD in History, Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, 123, nab. kanala Griboedova, St. Petersburg, 190008, Russian Federation; sutorius@mail.ru

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

богословия за 1735/1736 учебный год. Эти фрагменты показывают, что курс носил компилятивный характер: здесь имеются ссылки на сочинения Мартина Боначины, места-ми текст совпадает с сочинениями Германа Бузенбаума и Мартина Бекана. Однако нет оснований утверждать, что автором этой компиляции был сам преподаватель данного курса Иероним Миткевич, поскольку источник, которым он пользовался, уже мог быть такой компиляцией. В остальных богословских курсах элементы морального богословия были рассеяны по разделам спекулятивного богословия. В качестве теоретической основы казуистики в курсах до 1745/1746 учебного года преподаватели предлагали студентам доктрину умеренного пробабилзма.

Ключевые слова: Киево-Могилянская академия, моральное богословие, иезуиты, пробабилзм, рукописи.

Moral Theology in the Kyiv-Mohyla Academy Based on Manuscript Sources

K. V. Sutorius

For citation: Sutorius K. V. Moral Theology in the Kyiv-Mohyla Academy Based on Manuscript Sources. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 1, pp. 5–28. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.101>

The article is based on the manuscripts which contain texts of theological courses taught in the Kyiv-Mohyla college/academy in Latin. These manuscripts were written mainly by students who took those theological courses. This group of sources has been insufficiently researched and is unavailable for a wide range of scholars. The goal of theological courses, as of other subjects in the curriculum, was didactic, and, therefore, moral theology in Kyiv academy was deemed an academic subject. Kyiv college was set up on the pattern of Jesuit colleges, and teaching theology in Kyiv was genetically connected to the academic tradition of Jesuits. According to the records, theology had been taught in Kyiv since the academic year of 1693/4. Until 1745/6 teachers (with the exception of Theophanes Prokopowicz) based their lectures on the sources of Jesuit origin. In *Ratio studiorum*, which was the teaching program of Jesuits, one of the subjects studied in theological school was moral theology. *Casus conscientiae* (casuistry) comprised a considerable part of the course. However, there was only one case in Kyiv academy until the end of 18th century when moral theology was taught separately from the course of speculative theology. This is proved by fragments of a course of moral theology in the academic year of 1735/6. These fragments show that the course was a compilation: there are references to works by the Catholic theologian of the 17th century Martin Bonacina, in some places the text coincides with works by Jesuits theologians Hermann Busenbaum and Martin Becan. There are no reasons to assert that the teacher who taught this course (Hieronymus Mitkiewicz) was himself the author of this compilation since a source, used by Mitkiewicz for his course, could have already been such a compilation. In other theological courses elements of moral theology were scattered over the sections of the course of speculative theology. The theoretical base of casuistry in courses offered to students before 1745/6 was moderate probabilism.

Keywords: Kyiv-Mohyla Academy, moral theology, Jesuits, probabilism, manuscripts.

Киево-Могилянский коллегиум был крупнейшей образовательной институцией в России в конце XVII — первой половине XVIII в., главным центром богословского образования, и оказывал в XVIII в. на развитие образования в России влияние, степень которого трудно переоценить. Поскольку основная функция коллегиума была образовательной, изучение объема и содержания преподававшихся дисциплин дает возможность адекватно оценить уровень образования, которое здесь получали.

Если обсуждать вопрос о том, в каком состоянии находилась та или иная область знаний в коллегииуме (например, риторика или философия), то необходимо учитывать, что речь может идти только об учебных дисциплинах. Их дидактическая специфика состоит в том, что они в основном передают знание общепринятое, учат основам науки и по большей части не ставят перед собой цель сообщать новые знания, только приобретенные наукой и еще не получившие широкого распространения¹.

Хотя история Киево-Могилянской академии уже более 170 лет оказывается предметом изучения для историков образования, культуры, философии, литературы и сегодня наши знания о ее деятельности полнее, чем знания о других учебных заведениях духовного ведомства России XVIII в.², еще многое остается неизученным и неисследованным. В частности, это касается богословия, которому исследователями было уделено внимания меньше, чем другим дисциплинам, преподававшимся в Киевской академии³. Что же касается богословия нравственного, то о нем имеются только краткие упоминания⁴.

В настоящее время почти все богословские курсы, преподававшиеся в Киевской академии, не опубликованы и хранятся в виде ученических записей в различных библиотеках и архивах Украины и России, поэтому любое их исследование может быть основано только на рукописных источниках. В силу особенностей этих источников представляется наиболее продуктивным на существующем этапе исследований использовать методы палеографии и текстологии. Эти методы позволяют на основании физических особенностей, часто неприметных и на первый взгляд незначительных и несущественных, которые имеют рукописные источники, установить, какими источниками пользовались и, что не менее важно, не пользовались преподаватели богословия, что, в свою очередь, позволяет судить об их круго-

---

¹ Так, например, по поводу философских курсов, преподававшихся в Киево-Могилянской академии, М. Ткачук пишет, что «в рамках школьной, по своему статусу, философии Киево-Могилянской академии продуцировались только учебные курсы, адресованные студентам» (*Ткачук Марина. Філософські курси Києво-Могилянської академії в контексті європейського схоластичного дискурсу // Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: європейський контекст. Київ, 2002. С. 65*).

² Библиография работ, посвященных Киевской академии, обширна. Отмечу только наиболее значимые из монографий: *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895; *Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII ст. Киев, 1903; *Серебренников В. К.* Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 г. Киев, 1897; *Титов Хв.* Стара вища освіта в Київській Україні. Київ, 1924; *Сивокінь Г.* Давні українські поетики. Харків, 1961; *Маслюк В. П.* Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983; *Симчиц М.* *Philosophia rationalis* у Києво-Могилянській академії. Вінниця, 2009.

³ Почти все опубликованные исследования касаются богословского курса Феофана Прокоповича. Это прежде всего диссертация Ю. Ф. Самарина (*Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Избр. произв. М., 1996), серия статей П. А. Червяковского (Христианское чтение. 1876. № 1–2. С. 32–86; 1876. № 7–8. С. 101–152; 1877. № 3–4. С. 291–330; 1877. № 7–8. С. 3–42; 1878. № 3–4. С. 321–351), диссертация Ф. Тихомирова (*Тихомиров Ф.* Трактаты Феофана Прокоповича о Боге едином по существу и троичном в Лицах. СПб., 1884), небольшой, но чрезвычайно содержательный очерк Д. Вишневского о том, как преподавалось богословие, см.: *Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII ст. Киев, 1903 г.

⁴ См.: *Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII ст.; *Суториус К. В.* Нравственное богословие как учебный предмет в Киево-Могилянском коллегииуме/академии до 1760 г. // Религиоведение. 2010. № 2. С. 34–49. Настоящую статью надо рассматривать как продолжение и углубление исследования, начатого в 2010 г.

зоре, о тех направлениях в богословии, к которым они примыкали или от которых старались отойти, о профессиональной подготовке преподавателей, от которой не могла не зависеть подготовка учащихся.

1

В XVII–XVIII вв. школьное (схоластическое) богословие отличалось в зависимости от того, к какой образовательной традиции относилось то или иное учебное заведение, или от того, на какие парадигмы оно ориентировалось. Это касается не только различий конфессиональных, но и различий в рамках одной и той же конфессии. Так, преподавание богословия в школах францисканцев отличалось от его преподавания в школах доминиканцев.

Киево-Могилянский коллегиум с самого его основания в 1631 г. находился под сильнейшим влиянием той образовательной модели, которая была принята в учебных заведениях иезуитов. Всё, начиная от учебного процесса и заканчивая бытом студентов, было организовано практически идентично с коллегиумами Общества Иисуса. Деятельность иезуитских учебных заведений регулировал документ под названием «*Ratio studiorum*». Согласно этому документу в школе (классе) богословия курс обучения должен был продолжаться четыре года. Основу обучения составлял четырехлетний курс спекулятивного (теоретического) богословия, которое обычно так и называлось «схоластическим» (школьным). Предполагалось, что преподавать его будут одновременно два или даже три преподавателя⁵.

Наряду с этим предметом в программу богословской школы входило казуистическое (нравственное) богословие, которое получило название от своего предмета — в нем рассматривались так называемые *casus conscientiae* (случаи «совести»), различного рода ситуации, когда в результате действия разума — *conscientia* — человек выносил суждение о том, следует/следовало ли совершать или избегать какого-либо поступка как морально доброго или злого⁶. Нравственное богословие предписывалось преподавать в течение двух лет двум преподавателям — по одному часу ежедневно, один объяснял таинства и запрещения (*censurae*), а также состояния (*status*) и обязанности, другой же — десять заповедей, вместе с седьмой заповедью толкуя проблему договоров (*contractiones*), или же преподавать по два часа в день одному преподавателю⁷. Преподавателю «схоластического» богословия предписывалось пропускать те предметы, о которых специально толкует богословие нравственное, и касаться только общих начал моральных предметов⁸. В свою очередь преподавателю нравственного богословия разрешалось касаться вкратце тех предметов, от которых зависит нравственное учение (*casuum doctrina*), например, что такое знак (*character*) и каких он бывает видов, что такое смертный и простительный грех, что такое согласие⁹.

⁵ Regulae praepositi provincialis, 9.

⁶ «Conscientia est dictamen rationis seu actus intellectus, quo judicamus aliquid hic et nunc agendum vel omittendum esse vel fuisse tanquam bonum vel malum idque vel per modum praecepti vel consilii» (Busenbaum H. Medulla theologiae moralis. Antverpiae, 1671. Lib. 1, tr. 1, cap. 1. Resp. 1).

⁷ Reg. praepositi provincialis, 12. Reg. professoris casuum conscientiae, 2.

⁸ Reg. professoris scholasticae theologiae, 9, § 4.

⁹ Reg. professoris casuum conscientiae, 3.

Задача преподавателя нравственного богословия состояла в том, чтобы подготовить опытных приходских священников (*parochi*) и священнослужителей (*sacramentorum administratores*)¹⁰, поэтому способ преподавания должен был носить более практический характер, чем при преподавании богословия «схоластического».

Поскольку ближайшими к Киевскому коллегиуму учебными заведениями иезуитов были коллегиумы польские, не лишним будет привести в качестве сравнительного материала те предписания, относящиеся к преподаванию нравственного богословия, которые имеются в «*Catalogus praelectionum in scholis Societatis Jesu provinciae Polonae*» польского провинциала Адриана Мясковского, изданном в 1711 г.¹¹ Этот «Каталог» должен был регулировать учебный процесс в коллегиумах польской провинции Общества. Здесь курс нравственного богословия, как и богословия «схоластического», был рассчитан на четыре года:

Год обучения	Theologia scholastica (схоластическое богословие)	Theologia morali (нравственное богословие)
1-й	De Deo trino et uno De jure et justitia	De contractibus in genere et specie et de restitutione
2-й	De incarnatione De angelis et actibus humanis	De praeceptis primae et secundae tabulae De conscientia, voluntario et actibus humanis practice
3-й	De gratia et peccatis De sacramentis	De sacramentis, praesertim de matrimonio De communione et de missa
4-й	De fide, spe et charitate De poenitentia	De confessione De censuris in communi et particulari

По сравнению с «*Ratio studiorum*» в курсе морального богословия здесь добавлены разделы «*De conscientia, voluntario et actibus humanis*» и «*De confessione*», но отсутствует раздел «*De officiis*».

О том, какие вопросы рассматривались в курсах нравственного и «схоластического» богословия в польских коллегиумах иезуитов, говорят сохранившиеся записи богословских лекций. При этом можно заметить, что записей лекций по нравственному богословию сохранилось меньше, чем записей лекций по богословию «схоластическому», в связи с чем возникает вопрос: указывает ли данное обстоятельство на то, что не везде, где преподавалось «схоластическое» богословие, преподавалось также и богословие нравственное?

2

В Киевском коллегиуме преподавание богословия засвидетельствовано только с 1689/1690 учебного года¹². Начиная же 1693/1694 учебного года мы видим, что

¹⁰ Reg. professoris casuum conscientiae, 1.

¹¹ Bednarski St. Upadek i odrodzenie szkół Jezuickich w Polsce. Krakow, 1933. S. 483–488.

¹² Петров Н. И. Киевская академия во второй половине XVII века. С. 47–48. — В связи с этим историки конца XIX — начала XX в. считали, что богословие до этого времени не преподавалось вообще (Там же. С. 47–48; Титов Хв. Стара вища освіта в Київській Україні. С. 78).

оно организовано по образцу иезуитских коллегий¹³, только весь четырехлетний курс схоластического богословия обычно преподавал один учитель, который последовательно излагал все его разделы. Новый курс начинался после завершения предыдущего, т.е. раз в четыре года. Ему предшествовал обязательный курс философии, который обычно продолжался два года и начинался после окончания предшествующего двухлетнего же курса, т.е. курс возобновлялся раз в два года. Как и все остальные дисциплины, богословие преподавалось на латинском языке.

Основными разделами курсов схоластического богословия были следующие: о Боге едином и троичном (*de Deo uno et trino*), об ангелах (*de angelis*), о воплощении (*de incarnatione*), о конечной цели и действиях человека (*de ultimo fine et actibus humanis*), о богословских добродетелях (*de virtutibus theologicis*), о грехах (*de peccatis*), о благодати (*de gratia*), о таинствах (*de sacramentis*). Помимо этих могли быть еще и другие разделы меньшего объема: о праве (*de jure et justitia*), о человеке в состоянии невинности (*de homine in statu innocentiae*), о покаянии (*de poenitentia*).

Важной вехой в преподавании богословия стал 1751/1752 учебный год. Начиная с этого времени в основе всех известных курсов лежала известная часть богословского курса Феофана Прокоповича.

До этого времени известны следующие курсы:

Годы курса	Преподаватель
1689/1690–1692/1693	Иоасаф Кроковский
1693/1694–1696/1697	Стефан Яворский
1697/1698–1701/1702	Не установлен*
1702/1703–1705/1706	Иннокентий Поповский
1706/1707–1709/1710	Христофор Чарнуцкий
Годы не установлены	Феофан Прокопович
1717/1718–1720/1721	Иоасаф Томилович, затем Иосиф Волчанский
1721/1722–1724/1725	Иосиф Волчанский
1725/1726–1728/1729	Иларион Левицкий
1729/1730–1732/1733	Амвросий Дубневич
1733/1734–1736/1737	Иларион Негребецкий (1733–1735), затем Платон Левицкий (1735–1737)
1737/1738–1740/1741	Иероним Миткевич (1737–1739), затем Сильвестр Кулябка (1739–1741)
1741/1742–1744/1745	Сильвестр Кулябка
1745/1746–1748/1749	Варлаам Лящевский, затем Мануил Козачинский, затем Сильвестр Ляскоронский
1749/1750 и 1750/1751	Сильвестр Ляскоронский

* В 1701/1702 учебном году преподавалось полемическое богословие — по-видимому, Иннокентием Поповским.

¹³ Православное богословие, опирающееся на католическую богословскую традицию, не было к этому времени чем-то новым в киевской митрополии. В качестве предшествующих опытов можно указать на «Науку о семи тайнах церковных» сочинения Петра Могилы и «Мир человека с Богом» Иннокентия Гизеля (*Корзо М. «Мир з Богом чоловіку»* Иннокентія Гізеля в контексті католицької моральної теології кінця XVI — першої половини XVII ст. // Гізель Інокентій. Вибрані твори. У 3 т. Т. 3. Київ; Львів, 2010. С. 260).

О том, что преподавалось в этих курсах, сегодня можно судить по сохранившимся записям, которые делали студенты. Разные курсы известны с разной полнотой. Записи некоторых курсов обнаружить пока не удалось: курса Кроковского¹⁴, второй части курса Прокоповича¹⁵, а также разделов схоластического богословия, которые преподавали Платон Левицкий и Иероним Миткевич.

3

Если преподавание спекулятивного богословия в Киевском коллегиуме/академии засвидетельствовано на протяжении всего XVIII в., то моральное богословие — как отдельный предмет — преподавалось только единожды, в 1735/1736 учебном году. При этом, как показывает ближайшее рассмотрение, в первой половине века вопросы, которые обычно освещались в курсах морального богословия, включались в разделы спекулятивного богословия. В связи с этим представляется целесообразным сперва рассмотреть обычную практику, а затем этот единственный курс собственно морального богословия.

В киевских курсах о предметах, относящихся к моральному богословию, говорилось в следующих разделах: в трактате о праве и справедливости, в трактатах о действиях человека, о грехах, о благодати, о таинствах, о покаянии, о богословских добродетелях. Не во всех курсах эти разделы существовали, не во всех курсах в них затрагивались вопросы морального богословия, не для всех курсов записи этих разделов известны. Поэтому создать достоверную картину того, каким было моральное богословие в Киевской академии, затруднительно.

Заслуживают внимания встречающиеся в курсах Яворского и Поповского заявления о том, что хотя они преподают курс «схоластического» богословия, однако, дабы не оставить студентов несведущими и в области богословия морального, они рассмотрят и некоторые вопросы, относящиеся к этой дисциплине¹⁶. Из киевских курсов до 1759 г. больше всего места вопросам, относящимся собственно к мораль-

¹⁴ Суториус К. В. Преподавание богословия в Киево-Могилянском коллегиуме в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб., 2011. С. 186.

¹⁵ Суториус К. В. Богословие в Киево-Могилянской академии в 1751–1763 гг. // Религиозное образование в России и Европе в конце XVIII — начале XIX в. СПб., 2009. С. 132.

¹⁶ Например, у Яворского в конце трактата о грехах говорится: «Haec tota disputatio 3ta de peccatis secundum speciem atomam pertinet potius ad casistas non ad speculativos. Hic interim sicut et aliae materiae casisticae sparsim traditae sunt et si Deus voluerit tradentur, quia specialis lectio casistica tacet. Proinde et hic et uberius alibi materiam hanc de peccatis casisticam expendemus Deo volente, ubi de actibus humanis eorumque regulis tum internis, qualis est conscientia, tum externis, qualia sunt 10 Dei praecepta item praecepta ecclesiastica». Цитаты из киевских курсов приводятся по тем рукописям, которые были мне доступны. В других записях тех же курсов текст может отличаться, хотя и незначительно. Я привожу текст Яворского, полученный в результате сравнения рукописей: Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. 301. Шифр ДА/л265. Л. 707v и ИР НБУВ. Ф. 305. Шифр ДС/п186. Л. 703v и Шифр ДС/п187. Л. 186. У того же преподавателя в трактате о действиях человека 2-е рассуждение (*disputatio*) начинается словами: «Haec integra disputatio erit mere casistica nec est moris eam inter speculativas materias miscere. Quoniam tamen apud nos casistica lectio silet idcirco eam hic adjungere placuit, ne simus etiam in morali theologia peregrini» (ИР НБУВ. Ф. 305. Шифр ДС/п186. Л. 366 и Шифр ДС/п187. Л. 535). У Поповского в конце трактата об ангелах, блаженстве и действиях человека (disp. 3, sec. 7, art. 4, § unicus.) говорится: «Et hic quidem jam finis lectionis scholasticae imponeretur, sed ne videamur in morali theologia peregrini, aliqua hic, quae concernunt moralistas et casistas, examinanda sunt» (ИР НБУВ. Ф. 312. Шифр 541/238С. Л. 394).

ному богословию, отводилось в курсе Яворского. При этом обнаруженные мною места, где у Яворского приводится материал казуистики (Tr. de actibus humanis disp. 2–4; Tr. de justitia, disp. 6; Tr. de sacramentis, p. 2, disp. 7, sec. 7; Tr. de peccatis, disp. 1, sec. 5, § 3–4, disp. 3¹⁷), совпадают с текстом чрезвычайно популярного во второй половине XVII–XVIII вв. пособия по моральному богословию иезуита Германа Бузенбаума (1600–1668) «Medulla theologiae moralis»¹⁸.

Безусловно интересен вопрос, в русле каких влияний находились киевские преподаватели богословия. Рассмотреть его лучше всего на примере того раздела, который известен для возможно большего числа курсов. Это раздел о действиях человека, он есть почти во всех богословских курсах, и почти во всех курсах в этом разделе затрагиваются вопросы, специфические для морального богословия. В разных курсах этот раздел или выступает самостоятельной частью, или объединяется с разделом о конечной цели (блаженстве) человека. Из курсов до 1751 г. этого раздела нет только в известной части курса, преподававшегося Прокоповичем, в курсах 1717–1721 гг. и 1745–1749 гг. и в курсе Сильвестра Ляскоронского.

Но прежде всего стоит отметить одну из важнейших особенностей преподававшихся в Киевском коллегиуме богословских курсов — эти учебные курсы нередко повторяли друг друга, т. е. преподаватели клали в основу своих курсов курсы предшественников или те же самые источники, на которые их предшественники опирались¹⁹. В частности, если взять раздел о человеческих действиях, то в курсе Левицкого, например, в основу данного раздела были, по-видимому, положены соответствующие разделы из курса 1697 г. и курса Чарнуцкого, в курсе Дубневича в основе того же раздела лежат курс 1697 г. и курс Волчанского, в курсе Негребецкого — курс 1697 г. и курс Дубневича, в основе первого курса Кулябки лежит курс Волчанского, в основе же второго курса Кулябки лежит первый курс Кулябки, а в курсе Лящевского и Ляскоронского можно найти параллели с курсом Левицкого. Таким образом, в киевских курсах раздел о человеческих действиях можно свести к пяти основным видам, которые представлены в курсе Яворского, курсе 1697 г., курсах Поповского, Чарнуцкого и Волчанского. Это, однако, не означает, что и в других разделах богословских курсов были те же текстуальные связи, поскольку для разных частей курса преподаватели могли использовать разные источники.

В связи с отмеченной особенностью даже на те курсы, которые не находят себе параллелей среди киевских курсов, неправомерно смотреть без предварительного текстологического анализа как на курсы авторские или оригинальные. Можно лишь говорить о том, чему учили своих учеников преподаватели богословия в Киевском коллегиуме и, соответственно, каких точек зрения они, вероятно, придерживались. При современном состоянии исследований едва ли возможно с уверенностью утверждать, что учебные курсы целиком принадлежали киевским преподавателям и в них не содержалось заимствований из какого-либо источника.

¹⁷ Здесь и ниже использованы сокращения: art. — articulus; cap. — caput; con. — conclusion; disp. — disputatio; dub. — dubium; lib. — liber; p. — punctum; qu. — quaestio; sec. — section; tr. — tractatus.

¹⁸ Суториус К. В. Нравственное богословие как учебный предмет в Киево-Могилянском коллегиуме/академии до 1760 г. С. 43.

¹⁹ О той же особенности в связи с курсами философскими см.: Симчик М. *Philosophia rationalis* у Києво-Могилянській академії. С. 57–62.

Поскольку на рубеже XVII–XVIII вв. одним из учений в моральном богословии, которое вызывало немалое количество споров, было учение пробабилизма²⁰, небезынтересным представляется рассмотреть вопрос о том, какая точка зрения по этому поводу предлагалась студентам в киевских курсах. Речь шла о теоретическом основании для принятия в сомнительных случаях нравственных решений и для их оценки в практике покаяния. Существовало четыре основных концепции: туториоризм, пробабилиоризм, эквипробабилизм и пробабилизм. Различие между ними вытекало из ответа на вопрос, в каком случае при совершении поступков надо руководствоваться мнением более надежным (*opinio tutior*), согласно которому, если закон что-то не разрешает, хотя и не запрещает, то делать этого не следует, а когда — мнением менее надежным (*opinio minus tuta*), согласно которому, если закон что-то не запрещает, то делать это разрешено. В зависимости от ответа на этот вопрос указанные четыре позиции можно в тезисной форме обозначить следующим образом.

Сторонники туториоризма считали, что надо следовать более надежному мнению, даже если мнение менее надежное более вероятно (*probabilior*), т.е. имеет большие основания, чем противоположное²¹. Сторонники пробабилиоризма полагали, что менее надежному мнению можно следовать только тогда, когда оно более вероятно, чем противоположное. Согласно сторонникам эквипробабилизма менее надежному мнению можно следовать, если оно и мнение более надежное в равной степени вероятны. Согласно же сторонникам пробабилизма мнению менее надежному можно следовать даже тогда, когда оно менее вероятно (*minus probabilis*). Вероятность же различалась двоякого рода: внутренняя (*intrinseca*), которая состоит в основании, присущем самой вещи²², и внешняя (*extrinseca*), которая представляла собой авторитетные мнения тех, кто считался компетентным лицом в данном вопросе. Авторитетному мнению можно было следовать даже тогда, когда противоположное мнение было более обоснованным.

В свою очередь, среди пробабилистов выделяют более строгих, которые считали, что менее надежному мнению можно следовать, если оно хотя и менее вероятно, однако обладает твердой вероятностью (*certo probabilis*), и более мягких, которые считали, что ему можно следовать, даже если оно обладает сомнительной вероятностью (*probabiliter probabilis*)²³.

²⁰ La Croix C. Theologia moralis, lib. 1, addenda, n. 93: «Esparsa ... verissime dicit controversiam illam, liceatne sequi sententiam probabilem et minus tutam relictam probabiliori et tutiore, esse difficillimam et abstrusissimam inter omnes quaestiones de moribus» (La Croix C. Theologia moralis. Coloniae (apud Servatium Noethen), 1713. P. 44). Из русскоязычных исследований недавнего времени, посвященных казуистике и пробабилизму, см.: Бродский А. И. Casus conscientiae. Казуистика и пробабилизм с точки зрения современной этики // Homo Philosophans. К 60-летию проф. К. А. Сепреева. СПб., 2002. С. 279–294.

²¹ Arriaga R. Disputationes theologiae. Tr. de actibus humanis, disp. 24, sec. 1 (Arriaga R. Disputationes theologiae in primam secundae d. Thomae. T. 1. Antverpiae (ex officina Plantiniana Baltasaris Moreti), 1644. P. 271–273); Moya M. Tr. 1, qu. 5–6 (Moya M. Quaestiones selectae in praecipuis theologiae moralis tractatibus. Coloniae (sumptibus et typis Wilhelmi Metternich), 1702. P. 12–41).

²² «Cujus motivum consistit in ratione gravi, quae rei ipsi inest sive ex re ipsa petitur» (La Croix C. Theologia moralis, lib. 1, addenda, qu. 19, § 1, n. 113).

²³ Döllinger I., Reusch H. Geschichte der Moralstreitigkeiten in der römisch-katholischen Kirche. Bd. I. Nördlingen, 1889. S. 5.

Что касается могилянских курсов богословия, то, как было отмечено выше, текст раздела о человеческих действиях можно свести к пяти основным вариантам, которые представлены курсом Стефана Яворского, курсом 1697 г., курсами Поповского, Чарнуцкого и Волчанского. В самом раннем из них, курсе Яворского, говорилось, что в сомнительных случаях можно следовать мнению вероятному, хотя и менее надежному, не принимая во внимание мнение более вероятное, и отмечалось, что это общая позиция среди ученых. Данная позиция, как видно из вышесказанного, была позицией пробабилизма. Текст Яворского при этом совпадает с вышеуказанным сочинением Германа Бузенбаума «*Medulla theologiae moralis*»:

Бузенбаум (1645 г.)

Lib. 1, tr. 1, cap. 2, dub. 2 *

Respondeo. Absque peccato licet sequi opinionem probabilem etiam alienam et minus tutam (hoc est, quae minus remota videatur ab omni specie peccati, quam altera) relicta probabiliori et tutiore propria ... dummodo opinio, quae eligitur, adhuc sit probabilis. Est communis doctorum, quos citat et sequitur Layman et Bonacina t. 2. d. 2. q. 4. p. 9.

Яворский (1695/1696 уч. г.)

Tr. de actibus humanis, disp. 2, sec. 1, § 4 **

Dicendum est. Absque peccato licet sequi opinionem probabilem etiam alienam et minus tutam (hoc est, quae minus remota videatur ab omni specie peccati quam altera) relicta probabiliori et tutiore propria ... dummodo opinio, quae eligitur, adhuc sit probabilis. Est communis doctorum.

* Это сочинение Бузенбаума издавалось десятки раз как в XVII, так и в XVIII в. Дата первого его издания точно не известна и можно встретить указания на 1645 или 1650 г. См.: *Sommervogel* C. *Bibliothèque de la compagnie de Jesus*. Т. II. Bruxelles; Paris, 1891. Col. 445. Текст, однако, в разных изданиях несколько отличается. Здесь я привожу тот вариант, который ближе всего к курсу Яворского: *Busenbaum* H. *Medulla theologiae moralis*. Antverpiae, 1671.

** ИР НБУВ. Ф. 305. Шифр ДС/п186. Л. 369v и Шифр ДС/п187. Л. 539.

Иннокентий Поповский и Христофор Чарнуцкий также учили, что можно следовать мнению вероятному, не принимая во внимание мнение более вероятное и более надежное, и указывали, что такая точка зрения разделяется многими учеными. Тексты Поповского и Чарнуцкого в соответствующем месте совпадают (в курсе Илариона Левицкого (Tr. de ultimo fine, beatitudine hominis et actibus humanis, disp. 5, qu. 3); текст совпадает с текстом Чарнуцкого²⁴):

Поповский (1703/1704 уч. г.)

Tr. de angelis, beatitudine et actibus humanis, disp. 3, sec. 7, art. 4, § unicus *

Dico 4to. Quando probabilitas opinionum est immediate et praecise de honestate aut licentia actionis, licet sequi vere et certe sententiam practice probabilem relicta probabiliori et tutiori. Est doctrina multorum doctorum pietate, sapientia dignitate et excellentia illustrium, quos nominatim citant 44 passim obvii maxime recentiores, apud quos etiam fusissime haec responsio probatur.

Чарнуцкий (1707/1708 уч. г.)

Tr. de ultimo fine seu beatitudine hominis et actibus humanis, disp. 5, qu. 3 **

Respondeo 2do. Quando probabilitas opinionum est immediate et praecise de honestate aut licentia actionis, licet sequi sententiam vere et certo practice probabilem relicta probabiliori et tutiori. Est doctrina plurimorum doctorum pietate, sapientia imo et dignitatibus ecclesiasticis illustrium, quos nominatim accumulunt et citant authores maxime recentiores, apud quos etiam fusissime responsio haec probatur.

* ИР НБУВ. Ф. 312. Шифр 541/238С. Л. 393v.

** Там же. Ф. 305. Шифр ДС/п190. Л. 388.

²⁴ ИР НБУВ. Ф. 312. Шифр 561/235С. Л. 22v.

Хотя Поповский преподавал раньше Чарнуцкого, однако то, что в данном месте тексты обоих курсов совпадают, не означает, что Чарнуцкий пользовался курсом Поповского, поскольку у них обоих мог быть один источник.

В курсе 1697 г. и курсе Иосифа Волчанского, который важен с точки зрения последующей истории академического богословия²⁵, также говорится о том, что можно действовать на основании мнения менее вероятного, оставив без внимания более вероятное. Тексты этих курсов в соответствующем месте очень близки друг к другу и совпадает с сочинением иезуита Мартина Бекана (1563–1624) «Theologia scholastica»²⁶:

Бекан (1619 г.)	Курс 1697 г.	Волчанский (1724/1725 уч. г.)
Pars 2, t. 1, tr. de beatitudine et actibus humanis, cap. 4, qu. 9, n. 15 *	Tr. 3. De actibus humanis et quibusdam virtutibus moralibus, disp. 1, qu. 10, con. 3 **	Tr. de ultimo fine hominis et actibus humanis, disp. 6, qu. 4 ***
Dico 2. Quando opiniones sunt de honestate vel turpitudine actus vel etiam de obligatione ad operandum vel non operandum, tunc potest aliquis tuto operari ex opinione probabili relictā probabiliori. Ita Navarrus cap. 27, nu. 280, Valentia disp. 2, qu. 14, p. 4 et plures alii.	Collige 2do, quod quando opiniones sunt de honestate vel turpitudine actus vel etiam de obligatione ad operandum vel non operandum, tunc potest aliquis tuto operari ex opinione probabili relictā probabiliori.	Conclusio 3tia. Quando opiniones sunt de honestate vel turpitudine actus aut etiam de obligatione vel non ad operandum vel ad non operandum, potest tunc aliquis tuto operari ex opinione minus probabili relictā altera probabiliori. Ita passim theologi scholastici morales.

* *Becanus M. Theologia scholastica. Pars 2. T. 1. Moguntiae (typis ac sumptibus Joannis Albini), 1619. P. 94.*

** Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 173. № 253. Л. 361.

*** ИР НБУВ. Ф. 312. Шифр 555/229С. Л. 434.

Приведенный пример, кроме того, показывает, что Волчанский хотя и преподавал богословие после курса 1697 г., однако едва ли пользовался самим этим курсом, поскольку в тех случаях, когда текст Волчанского близок курсу 1697 г. и при этом оба они близки тексту Бекана, курс Волчанского не сохраняет особенностей текста, которые были в курсе 1697 г.

В курсе Амвросия Дубневича в соответствующем разделе (Tr. de beatitudine et actibus humanis, qu. 8, p. 5) текст совпадает с текстом Бекана, даже сохранена ссылка: «Ita Navarrus cap. 27, numero 280, Valentia disputatione 2, quaestione 14, pagina 4 et plures alii»²⁷. Здесь стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, у Бекана в ссылке на Наваррца (Мартина из Аспилькуэты) указан номер 280, и действительно о том, что можно следовать мнению вероятному, говорится у Наваррца в 280-м номере 27-й главы²⁸. В записи же курса Дубневича вместо цифры 0 на-

²⁵ Известные курсы богословия, преподававшиеся в России в 1740-х и начале 1750-х годов, восходят в той или иной степени к курсу Волчанского или к его источникам.

²⁶ Первое издание — 1612 г. (*Hurter H. Nomenclator literarius theologiae catholicae. T. 3. Oeniponte, 1907. P. 722*).

²⁷ ИР НБУВ. Ф. 312. Шифр 563/237С. Л. 364v.

²⁸ *Martinus ab Azpilcueta. Enchiridion sive manuale confessoriorum et poenitentium. Romae (ex typographia Georgii Ferrarii), 1584. P. 1006.* — В доступных мне изданиях этот текст находится под

писана буква о — так, что читать надо *vicesimo octavo*, однако в 28-м номере 27-й главы о вероятном мнении речи не идет. Возможно, эта ошибка связана с тем, что в типографском шрифте XVII в. верхний элемент цифры 8 поднимался над строкой, а цифра 0 была высотой с корпус буквы о. Во-вторых, у Бекана в ссылке на Григория из Валенсии буква *p* означает *punctum*, и действительно у Григория вопросы подразделяются на пункты, и о том, что можно следовать мнению вероятному, говорится в 4-м пункте 14-го вопроса²⁹; в записи же курса Дубневича здесь стоит слово *pagina*³⁰. Эти два обстоятельства могут указывать или на неосведомленность студентов или, что более вероятно, на неосведомленность преподавателя. Соответственно возникает сомнение не только в том, что ученики Дубневича знали, кто такие Наваррец и Валенсия, но и в том, что о них знал сам учитель. Во всяком случае очевидно, что с сочинениями этих богословов Дубневич знаком не был.

В курсе Илариона Негребецкого (Tr. de beatitudine et actibus humanis, qu. 8, p. 4) текст соответствующего места совпадает с курсом Дубневича³¹. Здесь также имеется ссылка на Наваррца и Григория из Валенсии, однако в единственной известной рукописи с этим трактатом, которая написана студентом, видимо, не отличавшимся прилежанием, ссылка эта выглядит так: «Ita Navarrus cap. 27, numero 28, Valentius disput., quaest. 14, pag. 4 et alii». Здесь указаны номер 28 и страница 4, по которой можно предположить, что Негребецкий пользовался Дубневичем.

Интересную ситуацию можно наблюдать в разделах богословия, которые преподавал Сильвестр Кулябка. Поскольку он преподавал сперва вторую половину курса 1737–1741 гг., а затем полностью курс 1741–1745 гг., получилось так, что вторую половину курса он преподавал дважды, и как раз во второй половине курса освещались обычно вопросы, относящиеся к моральному богословию. В курсе 1737–1741 гг. в трактате о конечной цели человека — там, где говорится о выборе в сомнительных случаях между мнением менее вероятным и более вероятным (Tr. de ultimo fine hominis, disp. 6, qu. 3), — курс Кулябки совпадает с курсом Волчанского³². Вторая половина курса 1741–1745 гг. была в значительной степени основана на разделах богословия, преподававшихся Кулябкой в 1739–1741 гг. Однако структура разделов и метод изложения сильно отличаются: здесь почти отсутствуют внешние признаки схоластического метода, напротив, оформление текста получило сходство с пособием лютеранского богослова Матиаса Хафенреффера (1561–1619)³³. По-видимому, с этой переориентацией со схоластики католической на схоластику лютеранскую было связано то, что в книге 1-й (Liber 1. De beatitudine et actibus hominis) в разделе под названием «Locus 2. De actibus humanis» (преподавался в 1743/1744 учебном году), хотя он и был основан на трактате о конечной цели человека, который преподавал сам Кулябка в 1739/1740 учебном году, мы не находим рассуждения о мнении (совести) вероятном, как, впрочем, и о мнении ошибочном,

номером 280 изданий прижизненных (умер Наваррец в 1586 г.). В изданиях же последующих он находится под номером 281.

²⁹ *Gregorius de Valentia. Commentaria theologica. Lugduni (sumptibus Horatii Cardon), 1603. T. 2. Col. 281.*

³⁰ Также читается и в рукописи ИР НБУВ. Ф. 301. Шифр ДА/п80. Л. 87.

³¹ ИР НБУВ. Ф. 306. Шифр Лав. 175п. Л. 235.

³² ИР НБУВ. Ф. 301. Шифр ДА/п85. Л. 112v.

³³ Мне было доступно издание: *Hafenrefferus M. Loci theologici. Tubingae (typis et expensis Philippi Gruppenbachii), 1611.*

сомнительном, мелочном, о которых говорилось во всех почти богословских курсах до этого, поскольку в лютеранских пособиях по богословию данные вопросы не рассматривались.

Здесь возникает вопрос: на что указывает такое изменение в преподававшихся Кулябкой разделах богословия в 1739/1740 и в 1743/1744 учебных годах? Можно было бы подумать, что выбор Кулябкой источников для своего курса в первом случае обусловлен его собственными убеждениями, а изменение во втором случае — изменением его взглядов на пробабиллизм. Однако биографические сведения о Кулябке позволяют усомниться в том, что сам он прошел полностью богословский курс (по крайней мере в Киевской академии)³⁴. В связи с этим напрашивается предположение о том, что в 1739/1740 учебном году Кулябка по причине неполноты, незаконченности и фрагментарности своего богословского образования едва ли мог иначе, кроме как некритически, следовать уже сложившейся в Киевской академии традиции преподавания, а в 1743/1744 учебном году в силу своих недостаточно крепких связей с доминировавшей в академии иезуитской богословской традицией он сделал шаг в сторону традиции лютеранской.

Таким образом, приведенные примеры показывают, во-первых, что в большинстве известных курсов до 1741 г. студентам богословия Киевской академии предлагался умеренный пробабиллизм как общераспространенное учение, а во-вторых, что киевские преподаватели ориентировались в своих богословских курсах на богословие иезуитов³⁵.

Сказанное о киевских курсах до 1741 г., однако, не означает, что и во всех прочих местах текст Яворского близок тексту Бузенбаума, или близки между собой тексты Поповского и Чарнуцкого, или текст Левицкого — тексту Чарнуцкого, или курс 1697 г., курс Волчанского, а также курс Дубневича близки тексту Бекана, текст Негребецкого — тексту Дубневича, а текст Кулябки — тексту Волчанского, поскольку курсы киевских преподавателей имеют по большей части компилятивный характер, и преподаватели не только в рамках четырехлетнего курса, но в рамках отдельных разделов, вопросов/глав и даже подпунктов могли использовать разные источники.

В курсе 1745–1749 гг. раздела о действиях человека мы не находим, и не видно, чтобы здесь говорилось о том, можно ли руководствоваться вероятным мнением при принятии нравственных решений. Следовавший затем богословский курс Сильвестра Ляскоронского остался незаконченным, и раздела о действиях человека в нем также нет.

Начиная с 1751/1752 учебного года в основе всех преподававшихся в Киевской академии богословских курсов, записи которых в настоящее время известны, лежала известная часть курса, который преподавал Феофан Прокопович³⁶. Курс этот

³⁴ Суториус К. В. Записи богословских лекций Сильвестра Кулябки в Киево-Могилянской академии в 1739–45 гг. // Религия. Церковь. Общество. Вып. 3. СПб., 2014. С. 312–344. С. 316.

³⁵ Возможно, распространению пробабиллизма именно среди иезуитов способствовало имеющееся в «Ratio studiorum» предписание для преподавателя морального богословия, чтобы он так утверждал свои мнения, что если какое другое мнение будет вероятным и основанным на хороших авторах, он указывал на то, что оно также вероятно («Ita suas confirmet opiniones, ut, si qua alia fuerit probabilis et bonis auctoribus munita, eam etiam probabilem esse significet. Regulae professoris casuum conscientiae», 5).

³⁶ Единственный достоверный свидетель этого курса — рукопись № 245 из фонда 173.1 в ОР РГБ.

во многом отличается от богословских курсов конца XVII — первой половины XVIII в. Макарий Булгаков на основании 3-й главы из введения к курсу Прокоповича, где говорится о том, что в двух частях богословия — *de credendis* и *de faciendis* — разный метод изложения, пишет, будто Прокопович первым отделил моральное богословие от догматического³⁷. Однако известные на сегодняшний день источники это мнение не подтверждают³⁸. Раздел богословского курса под названием «De agendis» появляется впервые только в одной из записей богословского курса 1759–1763 гг., который преподавал Самуил Миславский³⁹. Этот небольшой раздел почти дословно повторяется в конце всех известных курсов богословия, которые преподавались после курса Миславского. Но этот раздел едва ли можно считать курсом морального богословия. В нем речь идет о необходимости для спасения благих дел, и относится он скорее к богословию догматическому⁴⁰.

Только за 1799 г. мы находим свидетельство того, что в Киево-Могилянской академии моральное богословие преподавалось как отдельный предмет. В сборнике, хранящемся в ИР НБУВ в фонде 312 (Софийский монастырь) под шифром 574/618С, на стр. 41–48 находятся заметки о преподавании богословия в 1799–1803 гг.⁴¹ Сборник же написан почерком Ириней Фальковского, который в это время преподавал богословие в Киевской академии. В «Записке о преподаваемых в богословском классе через 1799 г. предметах» под номером 4 указано: «Из нравственной богословии по руководству Шанцову изъяснено введение в нравственную богословию, часть 1-я оной богословии о должностях христианских вообще и 6 глав части 2-й о должностях жизни христианской в особенности»⁴². Возникает вопрос, какой здесь имеется в виду учебный год: 1798/1799 или 1799/1800? Под 1-м номером в «записке» значится церковная история, и о том, что по этому предмету преподавалось, говорится: «начиная с первых чисел марта»; о том, что преподавалось по герменевтике (номер 2-й), говорится: «начиная с того же времени». Соответственно и сказанное о моральном богословии надо, по-видимому, относить ко второму семестру 1798/1799 и первому семестру 1799/1800 учебного года. Сведения ведомостей за остальные годы⁴³ можно представить в таблице (нравственное богословие во всех ведомостях указано под № 4):

Год	«По руководству Шанцову»
1800 (второй семестр 1799/1800 и первый семестр 1800/1801 уч. г.)	«прочтено из части о должностях жизни христианской в особенности 84 страницы»

³⁷ Макарий [Булгаков]. Православно-догматическое богословие. Т. 1. СПб., 1868. С. 58.

³⁸ Суториус К. В. Нравственное богословие как учебный предмет в Киево-Могилянском коллегии/академии до 1760 г. С. 39.

³⁹ ИР НБУВ. Ф. 301. Шифр ДА/п100. Л. 180–181v.

⁴⁰ Содержание этого раздела таково: Caput I. De natura, definitione et divisione agendorum. Caput II. De causa materia forma et fine bonorum operum. Caput III. Utrum bona opera sint necessaria ad consequendam vitam aeternam? Caput IV. De usu praecedentis doctrinae.

⁴¹ Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. Вып. 3. М., 1904. С. 247.

⁴² Цит. по: Булашев Г. Преосвященный Ириней Фальковский, епископ Чигиринский // Труды Киевской духовной академии. 1883. Т. 2. С. 473.

⁴³ Там же. С. 474–478.

Год	«По руководству Шанцову»
1801 (второй семестр 1800/1 и первый семестр 1801/1802 уч. г.)	«прочтены части второй остальные два отделения о должностях к самому себе и к ближнему, состоящие из 12 глав»
1802 (второй семестр 1801/2 и первый семестр 1802/1803 уч. г.)	«прочтены и изъяснены часть третья и 4-й последние две главы»
1803 (второй семестр 1802/3 и первый семестр 1803/1804 уч. г.)	«изъяснена последняя четвертая книга по 1-е июля; да с сентября по 1-е генваря 1804 — вступление и три главы первой книги о должностях христианских вообще»
январь, февраль, март 1804	«по 91-й §, находящийся в главе 5-й части I»

Из сказанного следует, что изложение всего объема морального богословия заняло в первый раз четыре с половиной учебных года.

Здесь, однако, вызывают недоумение два обстоятельства: во-первых, то, что курсы церковной истории, герменевтики и морального богословия начались не с начала 1798/1799 учебного года, а с марта, а во-вторых, то, что начало этих курсов не совпадает с началом курса «богословии догматико-полемиической» (Фальковский начал новый курс догматического богословия в первом семестре 1800/1801 учебного года), но совпадает с его окончанием в 1802/1803 учебном году (это был трехлетний курс). Объяснение данных несообразностей, возможно, надо искать в реформе духовного образования 1798 г. В известном синодальном Указе от 31 октября 1798 г. о порядке учения в академиях и семинариях предписывалось в богословском классе преподавать *«краткую церковную историю с показанием главных эпох, герменевтику, систему догматикополемиической и нравственной богословии»* и т.д.⁴⁴ Соответственно этот указ был получен в Киеве не ранее ноября 1798 г. 20 января 1799 г. Киевская академия представила митрополиту Иерофею Малицкому рапорт с изложением соображений, касающихся исполнения этого синодального указа, и предполагаемое во исполнение его «рописание» учебных предметов, времени и порядка классных занятий⁴⁵. В расписании предлагалось учителем богословия быть иеромонаху Иринию, а в богословском классе изучать: «1) краткую церковную историю с показанием главных эпох, 2) герменевтику, 3) систему догматикополемиической и нравственной богословии Феофана Прокоповича» и т.д. Резолюция преосвященного, которой утверждалось это расписание, датирована 7 февраля 1799 г., и, видимо, с марта 1799 г. учебный процесс начался в соответствии с новым расписанием. Однако сами экстраординарные обстоятельства, при которых в Киевской академии началось преподавание церковной истории, герменевтики и морального богословия, могут свидетельствовать о том, что до марта 1799 г. эти предметы не преподавались. Во всяком случае, мы пока не располагаем источниками, на основании которых можно было бы утверждать, что во второй половине XVIII в. моральное богословие в каком-либо виде преподавалось в Киевской академии.

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб., 1830. № 18.726. С. 427б.

⁴⁵ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение III. Т. 1. Киев, 1910. С. 128–135. № 34–35.

Что же касается «руководства Шанцова», то, по-видимому, речь идет о сочинении «*Moralis christiana*», автором которого был католический богослов Венцель Шанца (Wenceslaus Schanza, † 1788)⁴⁶. Шанца не рассматривает *casus conscientiae*⁴⁷ и отвергает учение пробабиллизма (pars 1, с. 5, § 104–110)⁴⁸. Таким образом, курс морального богословия, который появился в Киевской академии на рубеже XVIII–XIX вв., был, как мы видим, основан на источнике, в котором учение пробабиллизма не просто опускалось, как это было в курсе Кулябки 1741–1745 гг., но и прямо отвергалось.

5

Теперь рассмотрим тот единственный известный случай, когда моральное богословие в Киевской академии преподавалось как самостоятельный предмет. В начале 1735/1736 учебного года киевский митрополит Рафаил Заборовский назначил двух учителей богословия: Платона Левицкого, который должен был преподавать курс схоластического богословия и называться *primarius*, и Иеронима Миткевича, который должен был «диктовать лекцию, а именно *de Decalogo et de casibus*» и называться *secundarius*⁴⁹. Обсуждение же вопросов, связанных с предписаниями Декалога (десяти заповедей), было одним из важнейших разделов в курсах морального богословия, преподававшихся в католических учебных заведениях.

На сегодняшний день известна только одна рукопись, содержащая запись нравственного богословия, которое в 1735/1736 учебном году преподавал Иероним Миткевич, — это хранящаяся в ИР НБУВ в фонде 306 (Киево-Печерская лавра) рукопись под шифром 175п. Общее название этого курса звучит здесь так: «*Tractatus theologicus tum positive tum controversae procedens de decalogo cum casibus ac de lege euangelica respiciente decalogum caeterisque reducendis ad eum ad mentem interpretatum sacrae Scripturae expositus benedicente illustrissimi Raphaelis archiepiscopi Kijoviensis et parvae Russiae protectoris ac reparatoris suae Kijoviensis academiae munitissimi mandato institutus in alma Kijoviensi academia dictatus ac expositus anno 1735 in annum 1736, Septembris 25 die*» (л. 310). Отсюда можно предположить, что трактат должен был состоять, по меньшей мере, из разделов о декалоге и о евангельском законе. Однако в рукописи № 175п имеется только первая часть — о декалоге, да и та приведена не полностью: в рукописи содержатся лишь вводный раздел о законе и рассуждения, с лакунами, о первых трех заповедях. В связи с тем, что других курсов морального богословия, преподававшихся в киевском коллегиуме до 1760-х годов,

⁴⁶ Первое издание: Schanza Wenceslaus. *Moralis christiana*. Т. 1–4. Viennae, 1785 (ex typographeo Christiani Friderici Wappler). — В литературе можно встретить и другую дату смерти этого богослова — 1787 г. (Hurter H. *Nomenclator literarius theologiae catholicae*. Т. 5. Oeniponte, 1911. Col. 545).

⁴⁷ Обобщая, он говорит об абсурдности мнений, которых придерживались казуисты (pars 1, с. 7, § 150) (см.: Schanza W. *Moralis christiana*. Т. 1. Р. 122), об их излишней мягкости (pars 4, с. 7, § 216) (см.: Schanza W. *Moralis christiana*. Т. 4. Р. 495).

⁴⁸ Schanza Wenceslaus. *Moralis christiana*. Т. 1. Р. 81–88.

⁴⁹ Все сведения об этом эпизоде в истории Киевской академии почерпнуты из единственного источника: ИР НБУВ, ф. 160, № 1167. См. подробное описание этого дела: Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. С. 235–236 и 349–354; Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 1. Киев (Типография И. И. Чоколова), 1904. С. 223–226, № 38.

неизвестно, и неизвестно также других записей курса 1735/1736 учебного года помимо рукописи № 175п, представляется оправданным привести полностью ее содержание — названия представленных в ней фрагментов морального богословия (при переплете листы были перепутаны: л. 329–331а должны идти после л. 320):

Заголовки	Листы
Pars 1. De decalogo cum casibus.	311
Punctum 1. De definitione ac divisione legis in communi.	311
Punctum 2. De proprietatibus seu actionibus legis.	312
Punctum 3. An promulgatio legis sit de essentia legis?	312v
Punctum 4 {в рукописи 2dum}. Cujus est condere legem et in quem finem?	315v
Punctum 5, in quo quidam casus proponuntur de dispensatione et obligatione legis.	315av
Punctum 6. De charitate erga Deum et proximum.	316v
Punctum 7. De peccato et circumstantiis, quae excusant a mortali peccato.	318
Disputatio 1. De primo decalogi praecepto.	319v
Quaestio 1. Utrum praecepta decalogi convenienter distinguantur?	319v
Quaestio 2. Utrum omnia praecepta moralia pertineant ad legem naturae?	329v
Quaestio 3. Utrum omnia praecepta moralia veteris legis ad 10 decalogi reducantur?	330v
Quaestio 4. Utrum praecepta legis naturae et decalogi sint dispensabilia?	331v
{в рукописи отсутствуют первые два вопроса из Disputatio 2. De secundo decalogi praecepto}	
Quaestio 3. De obligatione juramenti.	321
Quaestio 4. De dispensatione juramenti.	322
Disputatio 3. De tertio decalogi praecepto.	322v
Quaestio 1. De festis in genere.	323v
Quaestio 2. De die dominica.	327v
{фрагмент о празднике пасхи}	332v
{фрагмент о богородичных праздниках}	333
Disputatio 4. De quarto decalogi praecepto {имеется только заголовок}	333

Так как в тексте встречается много ошибок, можно предположить, что написана рукопись была кем-то из студентов. Поскольку на л. 2–308 в рукописи содержатся написанные тем же почерком, что и фрагменты морального богословия, разделы схоластического богословия, которые преподавал в 1733/1734 и 1734/1735 учебных годах Иларион Негребецкий, студент, которому принадлежит рукопись, по-видимому, начал изучать богословие еще в 1733/1734 учебном году.

Основную часть фрагментов морального богословия из рукописи № 175п составляет обсуждение декалога. Миткевич учит, что к первой скрижали относятся следующие три заповеди: 1-я, которая содержится в Исх. 20, 2–6 («Я Господь Бог твой» и т. д.), 2-я, содержащаяся в Исх. 20, 7 («Не произноси имени Господа» и т. д.), 3-я, содержащаяся в Исх. 20, 8–11 («Помни день субботний» и т. д.). Ко второй же скрижали относятся заповеди, содержащиеся в Исх. 20, 12–17, при этом стих 17-й рассматривается как две заповеди так, что 9-й заповедью будет «Не желай жены ближнего твоего» (Исх. 20, 17), а 10-й — предшествующее этим словам предписание «Не желай дома ближнего твоего» и оставшаяся часть стиха 17-го (л. 319v). Всего ко второй скрижали относятся семь заповедей.

Миткевич, однако, далее сообщает (л. 320), что имеется и другой способ делить заповеди, в соответствии с которым стих 2-й рассматривается как вступление к декалогу, а первая заповедь делится на две так, что стих 3-й («Да не будет у тебя других Богов» и т.д.) рассматривается как 1-я заповедь, а стихи 4–6 («Не делай себе кумира» и т.д.) — как 2-я. Таким образом, к первой скрижали относятся четыре заповеди. Заповедей же, относящихся ко второй скрижали, оказывается шесть, поскольку стих 17-й не делится на две заповеди и рассматривается как одна. Можно отметить, что именно этот последний способ делить заповеди встречается в изложениях декалога у православных авторов XVII–XVIII вв.⁵⁰

Кроме курса Миткевича рассуждения, посвященные заповедям декалога, находят также в курсе Дубневича и в курсе Кулябки 1741–1745 гг. У Дубневича о декалоге говорится в трактате о благодати, при рассмотрении вопроса о соблюдении закона (Tr. de gratia. Qu. 3. De observatione legis. Punctum 3–4)⁵¹. Но посвящено это рассуждение не аспектам морального богословия, а вопросам, которые обсуждались обычно в богословии спекулятивном: может ли человек исполнить ветхозаветный закон и имеет ли он силу для христиан.

В курсе Кулябки 1741–1745 гг. о декалоге говорится в книге 1-й (Liber 1. De beatitudine et actibus hominis), в разделе под названием «Locus 3. De lege Dei», при рассмотрении вопроса о том, какие и в каком количестве существуют моральные предписания («Quae et quotuplicia sunt praecepta moralia?»). Здесь говорится, что четыре заповеди относятся к почитанию Бога, а остальные — к сохранению справедливости по отношению к ближнему⁵². Доказывая положение о том, что все моральные заповеди, которые не содержатся в декалоге, могут быть к декалогу сведены⁵³, Кулябка рассматривает заповеди декалога в том порядке, о котором Миткевич говорит во вторую очередь. Однако, когда, рассмотрев все заповеди, Кулябка приводит мнемонические стишки для лучшего запоминания заповедей, то в них заповеди приводятся в том порядке, о котором Миткевич говорил вначале⁵⁴.

Хотя фрагменты морального богословия Миткевича сложно соотнести с киевскими курсами спекулятивного богословия (с одной стороны, в этих фрагментах мы не находим рассуждения о том, каким мнением надо руководствоваться для принятия нравственных решений и их оценки, а с другой — далеко не во всех курсах находятся рассуждения о законе вообще и о предписаниях декалога в частно-

⁵⁰ Mohyla P. Orthodoxa confessio, p. 3, qu. 49–72 (Mohyla P. Orthodoxa confessio catholicae atque apostolicae ecclesiae orientalis. Lipsiae (apud J. Thomam Fritsch), 1695. F. 312v–50); Гизель И. Мир с Богом человеку, ч. 2, гл. 3 (Гизель И. Мир с Богом человеку // Гизель И. Вибрані твори: у 3 т. Т. 1. Кн. 2. Київ; Львів, 2009. С. 56–59); Прокопович Ф. Первое учение отрокам. 1722. См. об этом: Корзо М. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв. М., 2007. С. 519.

⁵¹ ИР НБУВ. Ф. 312. Шифр 563/237С. Л. 451–454v.

⁵² Quatuor proprie respiciunt cultum divinum reliqua justitiam cum proximo servandam. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Шифр 4672. Л. 325.

⁵³ Omnia praecepta moralia, quae expresse non habentur in decalogo, revocari possunt ad decalogum. Рукопись 4672, л. 325v.

⁵⁴ Unum crede Deum nec vane jura per ipsum,
sabbata sanctifies, habeas in honore parentes,
non sis occisor, fur, moechus, testis iniquus,
alterius nuptam nec rem cupias alienam.

(Ibid.)

сти), можно, однако, попробовать определить источники, которые лежат в основе этих фрагментов, и, как в случае с вышеуказанными курсами, определить, к какой из существовавших богословских школ примыкает киевский курс.

Сравнение фрагментов курса Миткевича с известными источниками, которыми пользовались киевские преподаватели, показывает, что в основе 3-го и 4-го пунктов из предварительного рассуждения лежит 4-й и соответственно 5–6-й вопросы из 1-й главы 3-го трактата (Она называется «*De legibus*») 1-го тома 2-й части вышеуказанного сочинения Мартина Бекана. Например:

Бекан (1619 г.)

Tr. de legibus, cap. 1, qu. 4, n. 3*

Prima conclusio. Lex non potest exercere officium legis, id est non potest dirigere et obligare subditos nisi promulgata. Ita d. Thomas q. 90, art. 4 et alii passim. Ratio est, quia non potest dirigere subditos in agendo, nisi sit illis cognita, non potest esse cognita, nisi promulgetur. Similiter si lex est positiva, non obligat, nisi quando superior sua voluntate et auctoritate inducit obligationem, non inducit autem, nisi quando suam voluntatem per imperium et promulgationem patefacit. Hinc illud apud Gratianum cap. in istis temporalibus d. 4. *Leges instituuntur, dum promulgantur. ...*

Миткевич, р. 3 (1735/6 уч. г.) **

Conclusio 1ma. Lex non potest exercere officium legis, id <est> non potest dirigere et obligare subditos nisi promulgata. Ita Thomas et alii passim doctores. Quia non potest dirigere subditos in agendo, nisi sit illis cognita, non potest esse cognita, nisi promulgetur. Similiter si lex est positiva, non obligat, nisi quando superior sua voluntate et auctoritate inducit obligationem, non inducit autem, nisi quando suam voluntatem per imperium et promulgationem patefacit. Hunc spectat illud Gratiani *Leges instituuntur, dum promulgantur. ...*

* *Becanus M. Theologia scholastica. Pars 2. T. 1. Moguntiae, 1619. P. 205a.*

** ИР НБУВ. Ф. 306. Шифр 175п. Л. 313.

Из этого примера хорошо видно, что упоминание имени того или иного богослова и даже цитата из него (в данном случае использована цитата из Грациана) отнюдь не означают, что преподаватель пользовался текстом этого богослова. Это вполне могли быть цитата или ссылка, содержащиеся в источнике, на который преподаватель непосредственно опирался. Более того, упоминание того или иного имени не может свидетельствовать о том, что преподаватель знал, о каком человеке идет речь. Текст Миткевича также показывает, что разграничение конфессиональных авторитетов продолжало в это время оставаться менее строгим, чем в последующем. Например, у Миткевича сохраняются ссылки на такие авторитеты, как Фома Аквинский и решения Тридентского собора Католической церкви (1545–1563)⁵⁵, в силу того, что эти ссылки были в тех источниках или источнике, которыми Миткевич пользовался для составления своего курса, хотя сам он был православным и преподавал в православном учебном заведении православное богословие.

Текст Бекана приспособляется в курсе Миткевича к российским реалиям. Примером может служить 3-е положение из 4-го пункта предварительного рассуждения. Здесь можно видеть и императрицу Анну Иоанновну, и Св. Синод вместо римского понтифика.

⁵⁵ ИР НБУВ. Ф. 306. Шифр 175п. Л. 314.

Tertia conclusio. Deus potest condere legem pro toto humano genere, pontifex pro toto populo Christiano, communitas seu res publica pro suis partibus, reges et principes pro suis subditis. Ratio patet ex distis, quia quisque potest imponere legem iis, in quos habet jurisdictionem. Vide plura c. 6, q. 1 et 2.

Conclusio 3tia. Deus potest condere legem pro toto hominum genere, augustissima imperatrix Anna toto suo imperio, reges et principes pro suis subditis, ss. synodus pro toto populo Christiano. Ratio patet ex distis, quia quisque <potest> imponere legem in quam habet jurisdictionem.

* *Becanus M.* Theologia scholastica. Pars 2. T. 1. P. 209a.

** ИР НБУВ. Ф. 306. Шифр 175п. Л. 315a.

Первая треть следующего, 5-го пункта предварительного рассуждения (л. 315av — 316) также основана на тексте Бекана (tr. de legibus, cap. 3, qu. 4, n. 3–4). Но далее следует разрешение десяти *casus*'ов, которых у Бекана нет. При этом в конце каждого даются ссылки на сочинения авторитетного богослова начала XVII в. Мартина Бонацины († 1631), который хотя и не был иезуитом, однако также был пробабилистом⁵⁶. Сочинения Бонацины неоднократно переиздавались XVII–XVIII вв.⁵⁷, было даже создано несколько их сокращенных изложений⁵⁸. Текст в киевском курсе короче текста самого Бонацины, но он не совпадает ни с одним из этих сокращенных изложений. Более того, имеющиеся в курсе ссылки не соответствуют ни одному из доступных мне изданий самого Бонацины⁵⁹. В качестве примера приведу разрешение 1-го *casus*'а:

12. Inferior non potest dispensare in lege superioris, quoties superior dispensationem sibi reservavit aut inferiori prohibuit dispensandi facultatem. Ratio est, quia...

13. Hinc sequitur Imo magistratum inferiorem non posse per se loquendo dispensare in lege communi nec episcopum in lege summi pontificis.

14. 2do episcopos non posse in legibus seu statutis in concilio provinciali conditis dispensare propria auctoritate...

1. Inferior non potest dispensare in lege superioris quoties superior dispensationem sibi reservavit aut inferiori prohibuit dispensandi facultatem. Propterea magistratus inferior non potest dispensare in lege communi sicut neque episcopus in legibus sanctissimae synodi et regulariter loquendo neque in legibus et statutis concilii provincialis. Ita Bonacina tom. 2, f. 77, n. 1.

* ИР НБУВ. Ф. 306. Шифр 175п. Л. 316.

⁵⁶ Döllinger I., Reusch H. Geschichte der Moralstreitigkeiten in der römisch-katholischen Kirche. Bd. I. Nördlingen, 1889. S. 31; Bonacina M. Tr. de legibus, disp. 2, qu. 4, p. 9, n. 4: «Possumus absque peccato sequi opinionem probabilem relictam probabiliori».

⁵⁷ Hurter H. Nomenclator literarius theologiae catholicae. T. 3. Oeniponte, 1907. P. 888–889.

⁵⁸ Riccius Aloysius. Martini Bonacinae totius operis compendium. Neapoli, 1635; Joannes de la Val. Martini Bonacinae operum omnium compendium. Lugduni, 1693; Goffar Antonius. Martini Bonacinae operum compendium. Duaci, 1631; Rondolinus Simeo. Summa Bonacina. Venetiis, 1683.

⁵⁹ Bonacina Martinus. Tractatus morales de casibus conscientiae. T. 2. Mediolani (apud haer. Pacifici Pontii et Ioannem Baptistam Piccaleum), 1623; Bonacina Martinus. Summa moralis theologiae sive tractatus de casibus conscientiae. T. 2. Lugduni (sumptibus Antonii Chard), 1624. Bonacina Martinus. Opera de morali theologia. Antverpiae (apud Joannem Meursium), 1635. Venetiis, 1687.

Кроме того, ссылки на Бонацину встречаются еще в двух местах, где в киевском курсе рассматриваются отдельные *casus'ы* (punctum 7 из вводного рассуждения и disp. 2, qu. 4).

Третий источник киевского курса, который удастся выделить, — это сочинение Германа Бузенбаума «*Medulla theologiae moralis*». Его текст (lib. 2, tr. 3, cap. 1 и cap. 2, dub. 1) во многом лежит в основе 6-го пункта из предварительного рассуждения, который озаглавлен «*De charitate erga Deum et proximum*» (л. 316v — 318). Как сказано выше, это же популярное пособие по моральному богословию (первые три книги) было одним из источников, который лежит в основе трактатов Стефана Яворского о действиях человека (Tr. de actibus humanis, disp. 2–4) и о справедливости (Tr. de iustitia, disp. 6). В качестве примера можно привести окончание этого пункта у Бузенбаума, Яворского и Миткевича:

<i>Busenbaum</i> (1645 г.) Lib. 2, tr. 3, cap. 2, dub. 1	<i>Яворский</i> (1695/1696 уч. г.) Tr. de actibus humanis, disp. 3, sec. 3, § 2*	<i>Миткевич</i> (1735/1736 уч. г.) **
2. In rebus pertinentibus ad civilem communicationem praeferendi sunt concives, in bellicis commilitones, in spiritualibus spirituales filii, patres, fratres. Bannes tamen probabiliter docet parentes carnales etiam in spiritualibus aliis omnibus praeferendos, quia conjunctio carnalis est fundamentum aliarum conjunctionum. Vide Laym. hic l. c.	2do In rebus pertinentibus ad civilem communicationem praeferendi sunt concives, in bellicis commilitones, in spiritualibus spirituales filii, patres, fratres. Docent tamen aliqui probabiliter parentes carnales etiam in spiritualibus aliis omnibus praeferendos, quia conjunctio carnalis est fundamentum aliarum conjunctionum.	In rebus pertinentibus ad civilem communicationem praeferendi concives, in bellicis commilitones, in spiritualibus spirituales filii, patres, fratres. Bannes tamen probabiliter docet parentes carnales etiam in spiritualibus aliis omnibus praeferendos, quia conjunctio carnalis est fundamentum aliarum conjunctionum. Vide Laynmundum*** de his.

* ИР НБУВ. Ф. 305. Шифр ДС/п186. Л. 385; Шифр ДС/п187. Л. 558.

** Там же. Ф. 306. Шифр 175п. Л. 318.

*** В связи с тем, что курс Миткевича в настоящее время известен только по одной рукописи, написанной его учеником, который не отличался аккуратностью, трудно судить о том, было ли написание Laynmundum вместо Laymann у самого Миткевича, или это ошибка студента.

Далее у Миткевича следует отсутствующий у Бузенбаума и Яворского текст: «Tandem ultimo charitas erga proximum praecepit 1mo ordinem in eo diligendo, de quibus supra, 2do dilectionem inimicorum, 3tio eleemosinam, 4to correptionem fraternam. Deinde prohibet 1mo odium proximi, 2do scandalum, 3tio ne injuria bellum aliudve grave damnum vel malum inferatur, de quibus sparsim in ulteriori progressu decalogi dicitur». В приведенном примере стоит обратить внимание на то, что у Яворского опущены ссылки на богословскую традицию (не упоминаются ни Баннез, ни Лайман), у Миткевича же они сохраняются. Это обстоятельство может указывать на разное отношение преподавателей к источникам, которыми они пользовались для составления своих курсов, и если это так, то, возможно, и в других местах своего курса Миткевич близко следует за своими источниками и соответственно сохраняет многие их особенности.

В связи с этим возникает непростой вопрос: пользовался ли сам Миткевич сочинениями Бекана, Бонацины и Бузенбаума наряду с какими-то другими источниками (или источником) для компиляции своего курса, или же источник Миткевича уже представлял собой такую компиляцию? Ответить на этот вопрос пока не удастся. В то же время приведенные мной примеры, как кажется, говорят о том, что не только встречающиеся в киевских курсах совпадения с текстами средневековых богословов или Отцов Церкви без ссылок на имена и сочинения этих авторов, но даже и цитаты из них с указанием имен и сочинений едва ли могут рассматриваться как достаточные свидетельства того, что киевские преподаватели пользовались этими сочинениями или хотя бы держали их в руках, поскольку эти цитаты и ссылки уже могли быть включены в те источники, к которым они непосредственно обращались, а многие формулировки Отцов Церкви и средневековых богословов стали общим достоянием богословской науки. В связи с этим распространенное в литературе мнение о том, что сочинениями Фомы Аквинского широко пользовались в Киевской академии⁶⁰, представляется не вполне обоснованным.

При анализе киевских курсов необходимо различать источники более отдаленные, но при этом первичные, к которым восходят в конечном итоге формулировки, приводимые киевскими преподавателями (к их числу и надо отнести «Сумму теологии» Фомы Аквинского), и источники более близкие, но при этом вторичные, из которых киевские преподаватели свои формулировки непосредственно черпали. Преподавателей XVIII в. отделяет от средневековых богословов, не говоря уже об античных, большой промежуток времени, когда появились десятки новых имен и сотни томов. Схоластика XVIII в. отличалась от схоластики XIII в., и преподавателям XVIII в. были гораздо ближе авторы XVII в., чем авторы XIII, подобно тому, как и нам ближе авторы начала XX в., нежели авторы века XVI, и если можно допустить, что кто-то из наших коллег читает свои лекции на основании трудов начала XX в. и даже рекомендует их своим студентам, то представить себе преподавателя, который опирался бы на сочинения ученых XVI в., трудно. Надо учитывать и то обстоятельство, что организация учебного процесса в Киевской академии мало способствовала совершенствованию преподавателей богословия именно как преподавателей богословия: обычно богословский курс не читался более одного раза, и после того, как преподаватель заканчивал его, он уже ничего нигде больше не преподавал. Трудно предположить, что в такой обстановке у преподавателей была мотивация расширять круг своих источников за пределы тех текстов, которые находились под рукой и были наиболее доступны. Такими источниками, надо полагать, были богословские курсы, которые киевские преподаватели сами проходили будучи студентами в киевском коллегиуме и иезуитских коллегиумах в Польше, а также пособия, которыми пользовались преподаватели этих коллегиумов для своих курсов.

---

⁶⁰ См.: Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 452; а также работы, которые в значительной степени на этот труд опираются и не только транслируют обобщения Знаменского, но и воспроизводят его фактические данные: Флоровский Г. Пути Русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 104; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 549; Михащенко А. Л. Духовное образование в Российской империи. Курган, 2005. С. 91.

Таким образом, доступные свидетельства показывают, что вопросы, относящиеся к собственно моральному богословию, большую часть которого в XVIII в. по-прежнему составляла казуистика, занимали очень небольшое место в богословских курсах, преподававшихся в Киево-Могилянском коллегиуме/академии в конце XVII и в XVIII в. В то же время в «Ratio studiorum», учебном плане, который иезуиты разработали для своих коллегиумов, моральному богословию (казуистике) отводилась гораздо более важная роль: к изучению *casus conscientiae* предназначались кроме учеников собственно школы (класса) богословия даже те ученики, которые в результате первого экзамена в философском классе (на первом году обучения, накануне Великого поста или перед Пасхой) оказались неспособными к изучению философии, а также те, кто в результате второго экзамена (по окончании курса логики) показал знания ниже среднего уровня⁶¹. Именно на коллегиумы иезуитов ориентировались руководители и организаторы Киевского коллегиума. Рассмотренные фрагменты единственного известного за это время курса морального богословия, а также встречающиеся в других курсах первой половины XVIII в. высказывания по вопросу о том, каким мнением необходимо руководствоваться при принятии в сомнительных случаях нравственных решений, хотя этому вопросу и уделялось в богословских курсах чрезвычайно незначительное внимание, также свидетельствуют о том, что до середины столетия киевские преподаватели находились в русле богословской традиции иезуитов.

Трудно сказать, почему в Киевской академии уделялось столь мало внимания такому важному в структуре богословского образования разделу, как нравственное богословие. Возможно, это было связано с тем, что в том виде, в каком нравственное богословие преподавалось у иезуитов, этот раздел было трудно приспособить к российским реалиям: не было самих *casus'ov* (случаев), которые составляли предмет казуистики. Возможно, дело было в том, что курс обучения в Киевском коллегиуме не был, по-видимому, направлен на подготовку священнослужителей, а у иезуитов курс нравственного богословия был необходим как раз для этого. Возможно, конечно, причина была более проста и заключалась в отсутствии материальных средств для того, чтобы организовать преподавание этого предмета.

References

- Bednarski St. *Upadek i odrodzenie szkół Jezuitkich w Polsce*. Krakow, Wydawnictwo księży Jezuitów, 1933, 538 s.
- Brodskii A. I. *Casus conscientiae. Kazuistika i probabilizm s tochki zreniia sovremennoi etiki. Homo Philosophans. K 60-letiiu prof. K. A. Sergeeva*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe ob-vo Publ., 2002, pp. 279–294. (In Russian)
- Bulashev G. *Preosviashchennyi Irinei Fal'kovskii, episkop Chigirinskii. Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, 1883, vol. 2, pp. 229–319, 444–514, 546–615; vol. 3, pp. 208–260. (In Russian)
- Döllinger I., Reusch H. *Geschichte der Moralstreitigkeiten in der römisch-katolischen Kirche*. Bd. I. Nördlingen, C. H. Beck Publ., 1889, 687 S.
- Florovskii G. *Puti Russkogo bogosloviia*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009. 843 p. (In Russian)
- Hurter H. *Nomenclator literarius theologiae catholicae*. T. 3. Oeniponte, Wagnerianis Print., 1907, 1224 col. + 122 p.

⁶¹ Ratio studiorum. Regulae praepositi provincialis 19. § 4.

- Hurter H. *Nomenclator literarius theologiae catholicae*. T 5. Oeniponte, Wagnerianis Print., 1911, 1422 col.
- Kartashev A. V. *Ocherki po istorii russkoi tserkvi*. T. 1. Moscow, Terra Publ., 1992, 686 p. (In Russian)
- Kartashev A. V. *Ocherki po istorii russkoi tserkvi*. T. 2. Moscow, Terra Publ., 1992, 568 p. (In Russian)
- Korzo M. "Mir z Bogom choloviku" Innokentiya Gizelya v konteksti katolits'koi moral'noi teologii kintsya XVI — pershoi polovini XVII st. Gizel' Inokentii. *Vibrani tvoriv*. U 3 t. Uporyadnik L. Dovga. Kiïv; L'viv, "Svichado" Publ., 2010, vol. 3, pp. 195–262. (In Ukrainian)
- Korzo M. *Ukrainskaia i belorusskaia katekheticheskaia traditsiia kontsa XVI–XVIII vv*. Moscow, Kanon Publ., 2007, 672 p. (In Russian)
- Makarii [Bulgakov]. *Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie*. Vol. 1. Moscow, Palomnik Publ., 1999, 598 p. (In Russian)
- Mikhashchenko A. L. *Dukhovnoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii*. Kurgan, Kurgan University Press, 2005, 186 p. (In Russian)
- Petrov N. I. *Kievskaia akademiia vo vtoroi polovine XVII veka*. Kiev, G. T. Korchak-Novitskii Print., 1895, 171 p. (In Russian)
- Petrov N. I. *Opisanie rukopisnykh sobranii, nakhodiashchikhsia v g. Kiev*. Iss. 3. Moscow, University Print., 1904, 365 p. (In Russian)
- Sutorius K. V. Bogoslovie v Kievo-Mogilianskoy akademii v 1751–1763 gg. *Religioznoe obrazovanie v Rossii i Evrope v kontse XVIII — nachale XIX v*. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia humanitarnaia akademiia Publ., 2009, pp. 127–202. (In Russian)
- Sutorius K. V. Nravstvennoe bogoslovie kak uchebnyi predmet v Kievo-Mogilianskom kollegiume/akademii do 1760 g. *Religiovedenie*, 2010, no. 2, pp. 34–49. (In Russian)
- Sutorius K. V. Prepodavanie bogosloviia v Kievo-Mogilianskom kollegiume v XVII v. *Religioznoe obrazovanie v Rossii i Evrope v XVII v*. St. Petersburg, Russkaia khristianskaia humanitarnaia akademiia Publ., 2011, pp. 176–200. (In Russian)
- Symchych M. *Philosophia rationalis u Kiyevy-Mogilyans'kii akademii*. Vinnitsya, O. Vlasjuk Publ., 2009, 239 p. (In Ukrainian)
- Titov Khv. *Stara vishcha osvita v Kiïvs'kii Ukraïni*. Kiïv, z drukarni Ukraïns'koi akademii nauk, 1924, 433 p. (In Ukrainian)
- Tkachuk Marina. Filosofs'ki kursy Kievo-Mogilyans'koi akademii v konteksti evropeis'kogo skholarstichno-go diskursu. *Religiino-filosofs'ka dumka v Kievo-Mogilyans'kii akademii: evropeis'kii kontekst*. Kiïv, KM Akademiia Publ., 2002, pp. 39–66. (In Ukrainian)
- Vishnevskii D. *Kievskaia akademiia v pervoi polovine XVIII st*. Kiev, I. I. Gorbunova Print., 1903, 371 p. (In Russian)
- Znamenskii P. *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda*. Kazan', Imperatorskii Universitet Print., 1881, 806 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 июня 2017 г.

Рекомендована в печать 28 декабря 2017 г.